

Лекция первая: Двадцать лет в пути

Ведущий: Здравствуйте, дамы и господа, приветствую вас в Институте европейских исследований в EUB, где мы рады принимать Джейми Ши, директора управления политического планирования в НАТО. Джейми, вам слово.

ДШ: Большое спасибо. Здравствуйте, дамы и господа, дорогие студенты, спасибо, что пришли. Как сказал Энтони, вам предстоит прослушать 5 лекций, и если к концу пятой лекции ваши ряды поредеют, вам не выдадут ваши аспирантские дипломы. Я, конечно, шучу, но искренне надеюсь, что лекции вас заинтересуют, и вам захочется продолжить этот курс. Здесь же я хочу поблагодарить службу общественной дипломатии НАТО, а также Институт европейских исследований за возможность выступить с этими лекциями.

Одна из моих любимых книг называется Размышления о революции во Франции Эдмонда Берка. Большинство из вас обязательно с ней столкнутся во время учебы. Вот что сказал о содержании этой книги премьер министр Питт младший: это рапсодия, в которой многое достойно восхищения, но не с чем согласиться. Я не знаю, приведут ли вас в восхищение мои пять лекций и согласитесь ли вы со всем, что я буду вам рассказывать. Надеюсь, однако, вы сделаете вывод, что НАТО заслуживает вашего внимания – в НАТО ведутся чрезвычайно важные дебаты, имеющие серьезное значение для будущего глобальной безопасности, и, по крайней мере, к концу наших лекций у вас сформируется собственное мнение об этой организации. Многие для вас прояснятся не только в ходе лекций, но и во время вопросов и ответов после каждой лекции. Надеюсь, вы забросаете меня трудными и глубокими вопросами.

Первую лекцию, которую можно считать вступительной, я назвал: Двадцать лет в пути. Те из вас, кто родом из Великобритании, могут знать, что в Итонской публичной школе есть знаменитая морская песня, которая называется Двадцать лет в пути. Я, кстати, в Итоне никогда не был и песню эту не пел, но она достаточно известна. Двадцать лет – это, разумеется, такой возраст в вашей жизни, когда вы уже попрощались с юностью, приобрели какой-то положительный жизненный опыт, но и отрицательный тоже, вы созреваете для вступления в средний возраст.

У вас уже достаточно опыта, чтобы извлекать ценные уроки из прошлого, при этом вам еще жить и жить! Вам еще очень далеко до ухода в отставку, до выхода на пенсию. У вас есть время на то, чтобы использовать эти уроки во благо, чтобы сделать ваши достижения в будущем – чем бы вы ни занимались – еще более продуктивными, чем в прошлом. Именно так я в определенной степени рассматриваю наш Альянс.

В следующем году будет двадцать лет со дня падения Берлинской стены, грандиозного события, которое кто-то назвал Кострами неизбежности - в результате НАТО пришлось самым серьезным образом пересмотреть свою роль в Европе и за ее пределами и провести внутреннюю реорганизацию. Конечно же, НАТО пришлось вести новую и разнообразную деятельность, о которой мы и поговорим сегодня.

Итак, через год исполнится двадцать лет с того дня, как пала Берлинская стена – это подходящий момент для того, чтобы оглянуться и понять, насколько успешным был процесс преобразований, что мы сделали правильно, в чем ошиблись, что нужно улучшить в дальнейшем.

А потом у нас состоится саммит в связи с шестидесятилетием – ведь в следующем году, помимо двадцати лет со дня падения Берлинской стены, исполняется еще и шестьдесят лет с момента основания НАТО. Принимать саммит в Страсбурге будут Франция и Германия, и это будет повод для того, чтобы оглянуться и перезаложить обязательства нашего трансатлантического союза, дать новые определения нашим задачам и ценностям. Одновременно мы должны запустить работу по выработке новой стратегической концепции, по определению новой роли и задач, стоящих перед НАТО на следующие шестьдесят лет – если мы намерены остаться организацией, которая будет и дальше иметь большое значение в обеспечении безопасности во всем мире.

Давайте для начала быстро посмотрим, что представляло собой НАТО в 1989 году. Можете себе представить, как сказал в своих мемуарах госсекретарь США Дин Ачесон, что при создании НАТО я не присутствовал, но, по крайней мере, в 1989 году в НАТО я был. И я хорошо помню, как все происходило. Предыдущий генеральный секретарь, лорд Каррингтон, недавно оставил свой пост и рекомендовал своему преемнику, генералу Манфреду Вернеру, на должность не соглашаться. «Манфред, - сказал он, - вы умрете от скуки. Здесь ничего не происходит!» Скажу откровенно, дорогие студенты – для НАТО времен холодной войны «быть» считалось важнее, чем «делать».

НАТО должно было существовать. Быть геополитическим противовесом странам Варшавского договора и Советскому Союзу. Война была маловероятна – существовало военное равновесие сил, в основном, исходя из политики ядерного сдерживания. Функцией НАТО было поддерживать статус кво, а не менять его.

Я часто шутил... Впрочем, это не такая и шутка: вторую половину моей карьеры в НАТО я отработывал зарплату, которую получал ни за что в первую половину моей натовской карьеры. В НАТО входило шестнадцать стран, в 1992 году присоединилась Испания, и многим из нас в то время казалось – это предел. Трудно было представить, что еще какая-то европейская страна захочет вступить в североатлантический союз. Общей политики безопасности в Европейском Союзе не было, между мощью США и Европы существовала гигантская диспропорция. Европейцы были согласны с тем, что в Европе их будут защищать Соединенные Штаты, мало этого, европейцев устраивало то, что США будут защищать их и за пределами Европы.

Наша военная деятельность сводилась к учениям – на случай того, если на нас нападут. При этом никто всерьез не верил, что мы станем объектом нападения. Многие из нас в то время считали, что эта ситуация продержится долго, потому что существовало военное равновесие сил, и политические перемены в Европе казались невозможными.

Я, как молодой натовец той поры, темноволосый, без появившейся за время работы в НАТО седины, хорошо помню моего первого генерального секретаря, Джозефа Ланса, высокого голландца, которого иногда сравнивали с Де Голлем – они были одного роста и у них был похожий орлиный профиль. Одно из первых заданий, которое он мне дал, звучало так: Пожалуйста, подготовьте речь о НАТО. Я несколько дней промучился над чистым листом бумаги. Вам приходится писать, и вы знаете, что иногда так бывает – заклинило и все. Я не мог написать ни строчки и в конце концов наткнулся на гляцевую пентагоновскую брошюру под названием «Советская военная мощь», в которой содержался перечень всех последних советских программ по вооружению: бомбардировщик «Блэк Джек», авианосец «Киев»... И вот я переписал этот список последних программ, отдал его Лансу, и он сказал: Джейми, лучшей речи о НАТО никто для меня никогда не писал.

Но о НАТО там не было ни слова. Вообще мы характеризовали себя не тем, чем мы или наш проект были, а в гораздо большей степени тем, чем мы не были, давали ссылку на другую сторону. Мы изображали НАТО, как некий контраст Советскому Союзу и Варшавскому договору.

Сделайте моментальное фото нынешнего Альянса и сопоставьте его с 1989 годом – думаю, вам сразу станет виден масштаб проведенных нами преобразований. Вместо шестнадцати членов в следующем году их будет двадцать восемь. Во время саммита в Бухаресте на прошлой неделе НАТО предложило Хорватии и Албании начать переговоры о вступлении, мы также сделали предложение Македонии - на дипломатическом языке она называется «бывшая Югославская республика Македония» - начать переговоры о вступлении, но не раньше, чем будет улажен двухсторонний вопрос с Грецией по поводу названия. Украина и Грузия в долгосрочной перспективе тоже могут стать членами НАТО. В кулисах ждут и другие балканские страны, так что лет через десять членство в НАТО может легко разрастись до тридцати пяти государств.

Фактически уже сейчас - или в самом ближайшем будущем – мы на 50% состоим из бывших стран коммунистического блока в Европе. Сегодня НАТО не защищает свои границы в Альпах – зато защищает своих граждан в Гиндукуше, Косово, Боснии и Ираке, на Средиземноморье, даже помогает Африканскому Союзу в Дарфуре. От статичной идеи обороны территории от возможного нападения мы перешли к более эластичной глобальной экспедиционной концепции – мы защищаем наше население, пытаемся противостоять угрозам там, где они возникают. А это гораздо сложнее.

Мы извлекли и еще один болезненный урок, а именно: мы не можем добиться успеха самостоятельно. Когда я пришел работать в НАТО в восьмидесятые годы, нам не требовалась чья-то помощь. Мы были абсолютно автономны. Нам требовался вклад со стороны входящих в НАТО стран, но мы были островом, замкнутым на себя. У Джона Данна есть стихотворение Человек не может быть островом, замкнутым на себя. А вот мы были именно таким островом. Мы не нуждались в партнерах для выполнения наших задач мы не нуждались во взаимодействии с Европейским Союзом, ООН или Всемирным банком.

Как я уже сказал, на прошлой неделе состоялся саммит НАТО в Бухаресте. Я там был, и самое большое впечатление на меня произвела встреча по Афганистану. По двум причинам. Первая: за

круглым столом сидели генеральный секретарь ООН, президент европейской комиссии, высокий представитель Европейского Союза Хавьер Салана, заместитель управляющего директора Всемирного банка, президент Афганистана Карзай. Было видно, что собралось мировое сообщество, международные институты объединили усилия, потому что поняли: в Афганистане да и во многих других странах мира нельзя добиться успеха без комплексного подхода и взаимодействия с другими организациями.

В то же время на каком-то этапе я просто закрыл глаза, не от скуки или усталости, а потому что выступали премьер-министр Австралии Кевин Радд, премьер-министр Новой Зеландии Хелен Кларк, а также представители других наших партнеров, например, Швеции, Финляндии, которые оказывают поддержку миссии ISAF в Афганистане. На основе сказанного ими можно сделать вывод о том, что они - наши союзники. Но фактически они таковыми не являются, они не подписали Вашингтонский договор, и я не думаю, что в ближайшем будущем они его подпишут.

Когда я говорю «союзники», я не имею в виду официальный статус члена НАТО, скорее, речь идет об общих ценностях, о том, что перед нами стоят общие задачи, что союзники тоже считают своим долгом внести определенный вклад, и наши неудачи в Афганистане отразятся и на них. И они все более готовы брать на себя те же риски и то же бремя, что и мы, они в большой степени воспринимают мир так, как воспринимаем его мы.

Итак, где сегодня заканчивается НАТО? Мы знаем, где оно начинается, а вот заканчивается... можно говорить о странах со схожими установками, о партнерских соглашениях – соответственно, очертить границы все труднее. НАТО уже не является какой-то отдельно стоящей организацией, скорее, это сеть. У всех вас есть компьютеры – лично у меня с компьютерной грамотностью дела обстоят не очень хорошо, но я наблюдаю за тем, как мой сын пытается подключить компьютер у нас дома. Чтобы быть в сети, необходимо соответствующие провода включить в соответствующие розетки, в противном случае у тебя не будут работать некоторые функции, и возникнут хаос и сумятица.

Таким образом, будущее Альянса – это в большой степени переход от отдельно стоящей организации, эффективное подключение к международному сообществу. Необходимы связующие соглашения и верные договоры, верное распределение трудовых ресурсов, чтобы мы могли пользоваться тем, что дают нам союзники, а они – тем, что даем им мы, особенно, в военном отношении.

Вот еще один пример, который, мне кажется, наглядно показывает, что представляет собой НАТО сегодня. Давайте рассмотрим один день из жизни генерального секретаря НАТО, Яапа де Хооп Схеффера, он отражает деятельность всей структуры (правильно). Отправляясь сюда сегодня, я заглянул в его расписание, и представлю вам интересный срез того, как выглядят наши отношения с внешним миром.

Итак, сегодня четверг, с понедельника у него прошла встреча с новым президентом Африканского Союза, это господин Жан Пен из Габона. Генсек также принял нового посла Китая, провел телефонные переговоры с президентом и премьер-министром бывшей Югославской республики Македония, особенно в свете того факта, что эта страна, как я сказал, на прошлой неделе в ходе бухарестского саммита прямого приглашения не получила.

Он провел встречу Совета евроатлантического партнерства НАТО (правильно), где за одним столом собрались представители почти пятидесяти стран. За несколько дней до этой встречи Мальта возобновила свое участие в Совете евроатлантического партнерства. Завтра он встречается со специальным представителем Ирака в ООН Стаффаном де Мистуром – у НАТО в Ираке есть миссия. Генсек также планирует встречу со специальным представителем ООН по гуманитарным делам и делам детей. Сегодня днем прибудет министр обороны Сербии, Сутанович, а потом генеральный секретарь даст интервью группе журналистов из Бахрейна - на следующей неделе представители североатлантического совета едут в Бахрейн для встречи на высшем уровне. Почему Бахрейн? Это составной элемент стамбульской инициативы о сотрудничестве: партнерское соглашение с НАТО.

Это не просто встреча в рамках цикла – лишь бы показать, что эти отношения у нас есть. Эти люди сами приехали к нам, в Брюссель. Приехали потому, что все яснее видят: НАТО вполне может стать частью их мира, мы появляемся на экране их радаров и можем предложить какое-то решение для стоящих перед ними проблем. В одном случае этих отношений больше, в другом -

меньше. Но со всей очевидностью следует: чтобы действовать глобально, ты должен опираться на глобальную сеть.

О чем говорят все эти перемены? Если вкратце: чтобы выжить в нашем быстро меняющемся мире, нужны, по преимуществу, два условия. Первое: возникновение неких исторических обстоятельств, которые проявляют стабильность и устойчивость.

Условие номер два: ты предчувствуешь перемены. Троцкий вовсе не является основателем НАТО, но ему принадлежит знаменитое высказывание: «Вы можете игнорировать историю, но она игнорировать вас не будет». Другими словами, если вы не пытаетесь детально проанализировать будущее, вас ждет выход в тираж.

О каких исторических обстоятельствах можно говорить, применительно к Альянсу? Вот первое: катастрофический успех.

Когда в 1989 пала Берлинская стена, и классический оппонент исчез, для НАТО это был такой успех, что организация фактически осталась без работы. И катастрофический успех – это ирония, предполагающая серьезный мотив для проведения перемен. Ты обязательно должен придумать что-то новое, у тебя просто нет выбора, ты не можешь бесконечно подпитываться прошлым – и это сильная мотивация.

Второй момент – это политический облик НАТО. Оставайся НАТО исключительно военным клубом, классическим военным союзом образца девятнадцатого века, смысл которого – наличие общего противника, оно исчезло бы после 1989 года, в этом нет никаких сомнений. Но поскольку НАТО проводило политические консультации, и место за столом было у каждого, складывалось ощущение, что эта организация способна направить политическую стратегию перемен, управлять процессом перемен в Европе. Во времена, когда разрушалась система Варшавского договора, когда восток Европы был охвачен неопределенностью, запад, как никогда, нуждался в стабильности. Это тоже важно принять во внимание.

Мне кажется, следующий шаг – это коллективный подход к безопасности. Это большая проблема, и те из вас, кто изучали историю, знают: классическое движение за безопасность в Европе – это движение отдельных стран, страны по отдельности пытались обеспечить безопасность, создавая союзы. Это и дипломатия Бисмарка, и вся история девятнадцатого века, это и затраты на перераспределение сил в попытке обеспечить безопасность. В особенности это касается, например, к Германии, перед которой традиционно стояли проблемы, имеющие отношение и к западу, и к востоку – проблемы страны, которая находится в середине.

НАТО устранило все эти фобии и превратило безопасность в некое коллективное благо, коллективную политику страхования. А после 1989 года, хотя угроза в ее классическом понимании исчезла, этот коллективный подход стран, входящих в НАТО, остался, никто не хотел снова отдавать проблемы обороны и безопасности национальным государствам. Исторический результат был весьма хорош, и люди этот подход хотели сохранить.

20:19

Есть и фактор номер четыре, который объясняет, почему НАТО никуда не исчезло: по иронии судьбы жители Восточной Европы, фактически, никогда не верили в антинаатовскую пропаганду тех времен. Я помню, как в 1990 году в НАТО приехал Вацлав Гавел, бывший президент Чехословакии, Чешской республики и фактически извинился за всю «ложь», как он выразился, которая распространялась о НАТО во времена холодной войны. И довольно быстро выяснилось: страны Восточной Европы хотят вступить в НАТО.

Многие из нас в то время считали, что возникнет своего рода новая Лига Наций, которая будет заниматься коллективной безопасностью в Европе, где НАТО и Варшавский Договор как бы сольются воедино. Но этого не произошло. Не произошло главным образом потому, что страны Восточной Европы пожелали начать с нуля и интегрироваться в европейские системы: НАТО и Европейский Союз.

Парадоксально, но основной спрос на Альянс исходил от стран, в него не входивших – я готов позволить себе такое утверждение. Именно эти страны не чувствовали себя защищенными как в историческом плане, так и в послевоенный период, тогда как большинство стран Запада, защищенные НАТО, либо о такой озабоченности забыли, либо считали сложившийся порядок вещей естественным.

Вот, на мой взгляд, четыре причины, по которым НАТО сразу же не столкнулось с необходимостью бороться за выживание. Впрочем, гораздо важнее говорить о наших позитивных достижениях, позволивших нам не уйти со сцены. Здесь я хочу сказать о четырех конкретных функциях.

Первое, вне сомнений – расширение НАТО. Я как раз к этому подошел. Мы могли раскрыть объятия и принять в свои ряды новых членов. И у нас в определенной степени была возможность сделать это быстрее Европейского Союза. Я здесь не хочу ничего оценивать, это не состязание в скорости, Европейский Союз – система куда более сложная, нежели НАТО, подготовиться к приему в ЕС гораздо сложнее чисто технически. В Европейском Союзе существует общий свод законодательных актов, и необходимо заполнить 300 000 страниц, а в нашем натовском договоре – всего четырнадцать статей, это одна страница. Она была написана, чтобы «прочитать и понять». Разумеется, посредством расширения НАТО удалось увеличить демократическое пространство и охватить им Центральную и Восточную Европы.

В результате страны, которые не чувствовали себя должным образом защищенными в девятнадцатом и двадцатом веках, обрели ощущение безопасности и получили гарантии того, что Соединенные Штаты будут стоять на страже безопасности в Европе; moreover, и сам Европейский Союз развивается вполне успешно (об этом мы поговорим в следующих лекциях), и сегодня мы видим, что в подавляющем большинстве новые члены НАТО претендуют и на членство в ЕС. Есть Европейский Союз, а есть и постоянная роль Америки на основе сложившегося исторического опыта.

Мне кажется, что одна из причин, по которой НАТО удалось придумать себе новую роль, как раз и заключается в расширении этой организации, на основе демократизации и реформы сектора безопасности. Разумеется, по поводу этого процесса делались определенные предположения, он, мол, приведет к отторжению России и преобразует Европу в некую систему блоков, хотя мы всего лишь отодвигали линию конфронтации в восточном направлении. Некоторые журналисты, например, мой дорогой друг Том Фридман из «Нью-Йорк Таймс», утверждали: расширение НАТО станет второй по величине ошибкой двадцатого века.

Я как-то спросил его: «Том, а какая была первая?»

Он ответил: «Не помню, но помню, что эта – вторая».

То есть, опасение заключалось в том, что мы отторгнем Россию. Похоже, что это не так: на прошлой неделе в Бухаресте у нас был саммит с президентом Путиным, заседал совет НАТО-Россия, у нас с Россией множество соглашений, на прошлой неделе в Бухаресте мы подписали с Россией транзитное соглашение по Афганистану. И мысль о том, что это игра с нулевым результатом, когда чтобы с кем-то дружить, надо с кем-то другим враждовать – эта мысль ошибочна. Я вовсе не упрощаю – и мы еще поговорим об этом в ходе следующих лекций – трудности на пути достижения стратегического взаимопонимания с Россией. Разногласия есть, это не секрет. Но эти вопросы мы решаем за столом переговоров, а не посредством военных игр, столь популярных в прошлом.

Второе возражение расширению НАТО заключалось в том, что новые члены не смогут внести достойный вклад. Что сказать? Все они участвуют в операциях НАТО, они – в Афганистане, и они поняли, что расширение означает не только то, что они теперь под защитой НАТО, они должны вносить вклад в дело коллективной безопасности. Так что это улица с двухсторонним движением. НАТО предполагает, что вы будете не только прятаться под зонтиком, но и держать его.

Третье возражение сводилось к тому, что, расширяясь, организация полностью утратит смысловые черты, что невозможно будет принять решение, что со всех сторон – слева, справа и из центра – будут налагать вето. Но опять-таки этого не произошло. Члены НАТО хорошо понимают, что организация действует на основе консенсуса, если вам нужна солидарность в одном вопросе, прекрасно, но и вы должны проявить солидарность по отношению к кому-то еще. Организация действует по принципу взаимной выгоды. Самые непростые решения в нашей истории были приняты в период наибольшего членства. Поэтому мне кажется, что процесс расширения будет продолжаться, именно это мы и сказали в Бухаресте на прошлой неделе.

Второе важное новшество – заключение партнерских соглашений. Партнерство ради Мира, наверное, не будет очень широко освещаться в учебниках истории, но для НАТО оно значит не меньше, чем План Маршалла значил для Западной Европы по окончании Второй мировой войны.

Сама по себе идея просто замечательная. Ты можешь поддерживать отношения с НАТО, что называется, *a la carte*, можешь действовать в удобном тебе ритме, интегрироваться в удобной для тебя степени. Хочешь вступать в Альянс – прекрасно, Партнерство помогает тебе освоить партнерские процедуры и требования. А не хотите вступать, как Швеция и Финляндия, хотите сохранить нейтралитет – пожалуйста, но вносить вклад в общее дело вы все равно можете, вы можете принимать участие. Если вы не входите в состав организации, вы не платите налоги. А если вы – партнер и посылаете свои войска в Афганистан, тогда вы участвуете в принятии решений, в разработке стратегии, в планировании.

Эта замечательная идея доказала свою состоятельность – она распространяется на такие страны, как Япония, Австралия, Новая Зеландия, Корея. Возьмите страны Персидского залива, Ближний Восток, Израиль, многие арабские страны – где они сегодня встречаются и ведут мирные переговоры? В НАТО. Так что, на мой взгляд, у этой идеи прекрасное будущее.

Теперь о наших миротворческих миссиях.

В свое время мы этого не знали, но построенная НАТО в годы холодной войны военная инфраструктура – для готовности к конфликту с Советским Союзом, если бы до этого дошло, комплексные системы управления, мобильные силы, силы взаимодействия, снаряжение – во многом оказалась именно такой, какая необходима сегодня для проведения миротворческих операций. Разумеется, доктрины поменялись, во многом поменялась сложившаяся практика, диапазон развертывания многих наших ресурсов увеличился по сравнению с периодом холодной войны.

Постепенно НАТО показало, что эта военная структура, которая выстроена на сложной системе планирования и базируется в штабе вооруженных сил НАТО в Европе, очень хороша для выполнения самых разнообразных задач. Другой подобной международной организации в мире нет.

Вот примеры: эмбарго на поставки оружия морем (Адриатическим, во время войны в Югославии), воздушные неисклчительные зоны, непосредственная авиационная поддержка подразделений ООН, все воздушные операции, крупнейшей из которых пока что была операция в Косово в 1999 году, стабилизационные наземные миссии, операции по восстановлению, антитеррористические миссии на Средиземном море. Сюда же можно отнести оказание военной поддержки при землетрясении в Пакистане, подготовку и оснащение резервистов Африканского Союза, чтобы он в дальнейшем мог проводить аналогичную работу самостоятельно. (нормально)

К сожалению, принимая во внимание, в каком мире мы живем, потребность в этих миссиях практически бесконечна, они затягиваются и требуют больших контингентов наземных войск, чтобы обеспечить стабильность. Проблема не в том, что спроса мало, а в том, что его много. Контингент войск ООН на местах составляет 100 000 человек, они выполняют почти двадцать миссий. На счету Европейского Союза пятнадцать миссий, на счету НАТО – пока что одиннадцать. Я считаю, что и в этой сфере рост будет продолжаться.

Есть сферы, которые я хотел бы затронуть глубже в ходе последующих лекций. Но чтобы закруглиться сегодня – прежде чем вы начнете пускать в меня коварные и неистовые стрелы, - несколько слов о ключевых проблемах, заявивших о себе на сегодняшний день в процессе трансформации, о вещах, к которым я хотел бы привлечь ваше внимание, не только для вопросов, но и для последующих лекций.

Мы все знаем – за успехом всегда следуют проблемы. У каждой медали есть оборотная сторона. Безусловно, многие проблемы, с которыми сталкивается НАТО сегодня, объясняются не какими-то неудачами, а именно успехом, но решать их все равно необходимо.

Какую из них следует считать первостепенной?

Проблема номер один связана с расширением деятельности НАТО по всему миру, и называется она «долевое участие в коалиционных расходах».

Боевые задачи становятся более жесткими, мы теряем людей в Афганистане, чего не было в случае с Балканами, обстановку можно в большой степени охарактеризовать словом «вседозволенность», задачи в долгосрочном плане стоят все дороже. Но у членов Альянса –

разные возможности, есть очень крупные державы, например Соединенные Штаты, а есть такие маленькие страны, как Исландия, без вооруженных сил, какое же долевое участие в коалиционных расходах будет справедливым? Какова степень комфорта внутри Альянса, где каждый вносит свой вклад и участвует в расходах коалиции? Во всяком случае, есть солидарность, и мы можем быть этим довольны.

Вам хорошо известно, что министр обороны США Роберт Гейтс, говорит о двухъязычном Альянсе, ссылаясь на то, что одни страны готовы и могут выполнять трудную работу, а другие - нет. Справедлива ли такая постановка вопроса? Отражает ли она реальность? Верно одно: чем сложнее задачи, которые нам приходится решать, как в Афганистане, тем важнее становится вопрос о справедливом долевом участии в расходах коалиции.

Второй вопрос: сбалансированность наших действий.

Мы напоминаем жонглера. Во времена Холодной войны надо было не уронить только один мяч. Для жонглера такая задача не составляет большой сложности. Но каждый год нашему жонглеру подбрасывают новые мячи – в виде новых боевых задач, новых проблем в сфере безопасности: сегодня мы говорим о кибер-обороне, противоракетной обороне, энергетической безопасности, международном терроризме, изменении климата, что тоже является собой проблему безопасности. Разумеется, эти проблемы в той или иной степени актуальны для всех союзников – эстонцы становятся жертвой нападения на их электронную сеть, британцы или испанцы сталкиваются с терроризмом у себя дома, равно как и американцы – какие-то проблемы проявляются более явно, какие-то - менее.

Таким образом, с одной стороны, необходимо оказывать влияние за пределами Европы – в Афганистане, на других дальних рубежах. С другой стороны, некоторые члены Альянса говорят: «Да, все это замечательно, но как насчет моей собственной обороны? Вы просите, чтобы мы послали войска в Гиндукуш, но как быть с ПВО моей страны? Как быть с моими территориальными правами на бурение в открытом море, когда климатические изменения все больше открывают районы, скажем, Арктики, для потенциальных конкурентов? А как мне защититься от терроризма? От угрозы распространения ядерного оружия?»

Поэтому одна из ключевых проблем будущего НАТО – сбалансированность. Важно, чтобы довольны были и те, кто видит НАТО, как организацию для решения глобальных проблем, и те, кто хочет вернуться к базовым принципам внутренней территориальной обороны. Интересы второй группы тоже должны быть приняты во внимание.

Следующий вопрос – должно ли НАТО заниматься всем подряд, – скажем, безопасностью в целом, или применить куда более ограниченный подход? Знаменитый немецкий писатель Гете когда-то сказал: «Мудрость – это когда ты знаешь границы своих возможностей».

Мне кажется, по-немецки это звучит более изысканно - *geraats in German* – но факт остается фактом: даже такая большая организация как НАТО не в состоянии заниматься всем. И мы должны понять, в каких вопросах у нас есть определенное преимущество и которые мы решаем хорошо, а когда надо откровенно спросить себя: а приоритет ли это для нас, может, лучше, чтобы за эту задачу взялся кто-то другой?

И последнее: комплексный подход.

Я уже говорил, дамы и господа, что НАТО должно сотрудничать с другими организациями.

Сказать легко – ведь это логично. А воплотить в жизнь, увы, не так просто. Я еще буду говорить о взаимоотношениях между НАТО и ЕС. Но хорошо известно: когда две организации находятся в одном городе, а число общих членов составляет двадцать один, когда вас объединяют общие ценности и в определенной степени честолюбивые замыслы – это еще не значит, что все друг друга понимают, а рабочие отношения выстраиваются гладко. Разумеется, мы имеем дело с организациями, у которых есть своя культура и понимание своего места в мире.

Как же в этом случае от теории перейти к реальности? Чтобы сложилась ситуация, когда нынешние международные организации будут тесно и должным образом переплетены? И если одна из них отключится от какой-то проблемы, за нее тут же возьмется другая? А ведь именно так мы и действуем, если говорить о гражданской и военной интеграции миссий, в ходе которых мы приносим стабильность в нестабильные зоны. Мы исходим из общего подхода: этим занимается

ЕС, этим занимаемся мы, мы действуем сообща, а вовсе не исходя из установки: «если там НАТО, мне там делать нечего, лучше я займусь чем-то другим». Мы выясняем суть проблемы и решаем, как с ней справиться...

Вот вам вкратце четыре сферы, и скажу откровенно: гораздо лучше, когда проблемы являются следствием твоих успехов, а не провалов и неудач. Они могут быть не простыми, но, скажем, в первом случае, их гораздо легче разрешить, если приложить усилия и проявить политическую волю.

Давайте сегодня на этом остановимся, будем надеяться, что у меня осталось некоторое время на вопросы.

Слово переходит к вам – большое спасибо, что слушали меня.

В1: Можно ли задать вопрос по ЕС, поскольку вы эту тему еще не затронули?

ДШ: Можете задавать любые вопросы, на которые я хотя бы отдаленно компетентен ответить.

В1: Как вы оцениваете растущую организацию ESDP (Европейская политика по обороне и безопасности) и ее воздействие на взаимоотношения между НАТО и ЕС, возможно, в свете меняющихся идеологических установок и группировок внутри Альянса.

ДШ: Думается, НАТО заинтересовано в успешной деятельности ESDP по двум важным причинам. Попробую внести в этот вопрос ясность. НАТО не хочет, чтобы Европа была слабой, беспомощной и поделенной на части. Ведь в этом случае жертвой будут не только Европа и ЕС, но и НАТО. Соединенные Штаты тоже перестали считать себя всемогущими, они признают, что их ресурсы не безграничны, и они не могут нести на своих плечах все бремя глобальной безопасности, им нужен надежный и способный к активным действиям партнер, а именно, сильная Европа.

Интересно, что на прошлой неделе во время бухарестского саммита президент Буш выразился исключительно динамично, как ни один американский президент до него – нам, сказал он, нужен сильный общий курс в сфере внешней политики и безопасности. НАТО хочет быть сильнее, а не слабее, и США не собираются этот процесс ограничивать, они хотят ему способствовать, реализовать его на практике.

Так в чем же заключается интерес НАТО? Думаю, стоит отметить две позиции. Прежде всего, ESDP начинает формулировать свои военные потребности, и мы хотим, чтобы они были не ниже уровня потребностей НАТО. Нас не устраивает Европа, которая просто поставляет миротворческие силы и не обладает реальными военными мощностями, не способна участвовать в операциях далеко за пределами Европы и не имеет боевой устойчивости. Подобные подразделения вполне хороши для осуществления гуманитарных миссий, но едва ли способны быть партнерами НАТО в жестких условиях, как в Афганистане.

Давайте будем откровенны – если НАТО говорит входящим в него членам: вы должны инвестировать в ресурсы по борьбе с беспорядками или специальные подразделения, или в транспорт, а ЕС говорит: Нет, мы видим себя как гуманитарное ведомство, все это нам не нужно, нам нужны гражданские люди в форме – не более того, то, разумеется, опасность заключается в том, что страны Европы пойдут по линии наименьшего сопротивления. Наименьшего с точки зрения бюджетных затрат. Поэтому очень важно всем нам руководствоваться общими стандартами.

При этом, как мне кажется, в будущем НАТО будет все более военной структурой, расходующей много средств на генерирование боевых ресурсов, а ЕС будет совершенно самостоятельной военной структурой, которая тоже будет тратить много средств на генерирование боевых ресурсов. Это означает дублирование научных исследований и разработок, разную подготовку, разное сертифицирование, разные учения, разные требования. Я считаю, что постепенно, хотя это и не будет легко, мы будем двигаться в сторону создания единой организации. И тогда НАТО будет использовать корабли ЕС, а ЕС будет использовать вертолеты НАТО.

Второе – и опять же, будем откровенны. Европейский Союз предоставляет больший арсенал возможностей, чем НАТО. Потому что ЕС участвует в решении гражданских вопросов. Европейский Союз делится опытом и оказывает серьезную донорскую помощь по всему миру, помогает готовить полицейских, проводить судебную реформу, проводить в стране реконструкцию и демократизацию. И нет ничего удивительного в том, что сегодня в Косово интересы

гражданского населения представляет Питер Фейт из ЕС – именно ЕС постепенно забирает у ООН функцию по осуществлению полицейской деятельности. НАТО подобную работу выполнять не может. Но кто-то выполнять ее должен – в противном случае солдаты НАТО просто будут тратить время впустую. Они поддерживают безопасность, но только временно, потому что – мы в НАТО повторяем это, как заклинание – без развития нет и безопасности. С другой стороны, чтобы нормально развиваться, нужна безопасность – эти два явления должны взаимодействовать.

Поэтому нам хотелось бы, чтобы НАТО наращивало партнерские отношения с ЕС. Мы не можем диктовать Европейскому Союзу: вы, мол, должны быть в Афганистане вместе с нами. Все-таки ЕС – отдельная организация. Но хотелось бы, чтобы в ходе регулярных встреч мы выработали общие приоритеты. Какие-то задачи НАТО будет решать самостоятельно, без Европейского Союза. К каким-то миссиям Европейского Союза не будет иметь отношения НАТО. Но если речь идет о важных стратегических операциях, в которых у обеих организаций есть свой интерес, тогда дело другое. Если, например, что-то произойдет в Косово, пострадают и НАТО, и ЕС. Афганистан важен для обеих организаций – в плане возможных терактов. Если интересы общие, мы наши возможности объединяем. Так обстоит дело. Мне кажется, что стоящая перед нами задача ясна. Конечно, как часто бывает в крупной бюрократической организации, ясную задачу не всегда легко реализовать на практике. Но, по крайней мере, стоящую перед нами задачу мы определяем все яснее.

В2: Джейми, хочу вернуться к тому, о чем вы говорили в начале – о равновесии сил. Такое очевидное равновесие существовало в течение сорока лет. А потом было еще двадцать или почти двадцать лет, когда это равновесие сил просто существовало. . Были переговоры ОСВ, чтобы сбалансировать ситуацию с баллистическими ракетами, которые все эти девятнадцать лет оставались на своих местах. . Но сегодня, по крайней мере, одна из стран НАТО – Соединенные Штаты Америки – тяготеет к нарушению этого равновесия и разрабатывает новые системы вооружения. У нас есть противоракетный щит, развиваются и другие компоненты. Что тут можно сказать о равновесии сил, которого нет? Ведь речь идет не только о Соединенных Штатах, Россия делает то же самое. Как эта ситуация может развиваться и какое влияние она может оказать на Альянс?

ДШ: Без сомнения, это ключевой вопрос. Помните знаменитое изречение Черчилля: «Можно не сомневаться, что Соединенные Штаты в итоге поступят правильно, когда альтернативные варианты не сработают». Вы политолог и сами знаете, что нынешняя администрация во второй срок проводила куда более многостороннюю дипломатию, чем в первый, особенно, в отношениях с ЕС. В Вашингтоне понимают, что попытки действовать в одиночку успеха не принесли. Даже сверхдержава не может действовать в одиночку, лидеру нужны последователи. Только силы недостаточно, чтобы склонить других на свою сторону.

Другую сторону важно еще и убедить – помните, как несколько лет назад Йошка Фишер, тогдашний министр иностранных дел Германии, на знаменитой конференции по безопасности в Мюнхене, сказал Доналду Рамсфелду: «Господин Рамсфелд, вы меня не убедили»? Так что сила сама по себе достичь цели не позволяет. Вы еще должны убедить в своей правоте оппонента. Люди должны идти за вами не потому, что вы могущественный, а потому что считают вас правыми, что вы проводите верную политику и идете в правильном направлении.

Мне кажется, что во второй срок американская администрация проводила более многостороннюю политику, работая с ЕС по Ирану, работа с «большой тройкой» была очень осмысленной, а также с Китаем, Россией, очень успешно велись переговоры о прекращении ядерной программы в Северной Корее. Велась работа с ЕС, с ООН и Россией по урегулированию ситуации на Ближнем Востоке в рамках четверки.. Отвечая на предыдущий вопрос, я уже сказал: на ЕС мы смотрим как на нечто положительное, мы не пытаемся очертить какие-то рамки, которые все равно не работают. Мы за то, чтобы Европейский Союз в большей степени играл стратегическую роль.

Таковы настроения американских властей. И три основных кандидата на пост президента США, участники ноябрьских выборов, такую точку зрения поддерживают. Среди них нет никого, кто планировал бы, выиграв выборы, отойти от этой базовой политики и вернуться к обособленности, к изоляции. Разумеется, возможны какие-то нюансы.

И не надо думать, что в каждодневной жизни все будет легко. Увы – не будет. Мы – страны демократические, а не страны Варшавского договора, и возникнут разные точки зрения, возникнут дебаты. НАТО эти дебаты нужны, потому что только в ходе подлинной дискуссии можно принять правильное решение. Без труда не вынешь рыбку из пруда.

Скажу откровенно - встреча в Бухаресте добавила мне оптимизма. Мы ехали в Бухарест с очень сложными вопросами, которые вполне могли внести в наши ряды раскол. Но мы устояли и во многом пришли к общему знаменателю. Так что эти трудные вопросы надо обсуждать, а не прятать под ковер.

Вы упомянули ОСВ. Что касается контроля над вооружениями, американская администрация понимает: договор по ОСВ устарел и его надо обновлять, предлагать новую рамку. Правовая рамка, обязательная для всех, даст больше гарантий, чем соглашения ad-hoc.

Во-вторых, что касается противоракетной обороны – администрация США признает, что лучший способ двигаться вперед – это вести переговоры в НАТО, привлекать союзников НАТО, изо всех сил стремиться к конструктивному диалогу с Россией. Это лучше, чем просто держать американскую систему в Европе, где к ней имеют отношение только несколько представителей Альянса, да и защищать она будет лишь нескольких из своих союзников.

С другой стороны, мне кажется, что поскольку Соединенные Штаты свою аргументацию не скрывают и к дебатам готовы, поддержка со стороны Европы возрастает. Ведь вопрос противоракетной обороны перед Бухарестом выглядел очень не простым. Но США не стали говорить: «Мы поступим так, обсуждать тут нечего, решение уже принято» - ничего подобного не было. Они вели переговоры так: «Мы полагаем, что существует такая угроза, мы не хотим ждать, пока она реализуется, поэтому мы и думаем об обороне, мы должны быть застрахованы от такой угрозы, но застраховаться надо так, чтобы стабилизировать ситуацию в целом».

Парадоксально, но многие страны, имевшие поначалу сомнения, в итоге с формулой Соединенных Штатов согласились: мы признаем наличие угрозы, мы признаем, что американская система – это часть ответа, не единственная, потому что нужен и контроль над вооружениями, мы признаем, что нужно разработать натовский подход к решению этой проблемы, что надо действовать поэтапно. Так что по-моему ситуация не так плоха, как нам иногда кажется. Мы все еще смотрим на многое через призму Ирака времен 2003 года, когда отсутствие единства на Трансатлантическом пространстве было максимальным, но ведь сейчас не 2003 год, и многое с той поры изменилось.

ДШ: Пожалуйста, Александр.

ВЗ: Джейми, в вашем выступлении вы несколько раз упомянули саммит в Бухаресте. Конечно, очень интересно получить информацию из первых рук. В Вильнюсе несколько месяцев назад собирались министры обороны, и генеральный секретарь заявил, что существует документ по Афганистану – комплексная политическая стратегия. В Бухаресте фигурировал документ, который ратифицировали главы государств: стратегическое видение. Но этот документ лишь вкратце описывал основные элементы процесса, уже достаточно давно известные. Поэтому интересно знать, что там в действительности происходило.

ДШ: Александр, вы хорошо знаете, что намного легче выдумать новую стратегию, нежели воплотить в жизнь существующую. И порой проблема возникает не потому, что неверно выбрана стратегия – просто ты ее не реализуешь на практике. Когда складывается впечатление, что задача не решается, не сдвигается с места, дело не в том, что вы выбрали ошибочный план. Политикам знакома такая посылка: нам нужен новый план, необходимо сменить ориентиры, наш подход ошибочен. Часто дело обстоит проще: ваш план верен, но вы плохо воплощаете его в жизнь.

О Бухаресте могу сказать: да, мы сделали там стратегическую заявку, но речь не идет о принципиально новой стратегии. Мы вернулись к исходным установкам: необходимо лучше оснастить международные силы содействия безопасности; у нас есть дефицит мощностей; нам нужны три маневренных батальона, в масштабе НАТО это не так много, если вспомнить, сколько вообще войск числится на балансе НАТО.

Следует лучше готовить и оснащать Афганскую национальную армию, лучше осуществлять координацию с гражданским населением, нам нужен кто-то вроде Кая Эде, я его уже упоминал. Это новый представитель ООН, он способен выстроить приоритеты, которые будут для нас руководством к действию. Нам нужно больше взаимодействовать с соседями.

Все эти задачи, повторюсь, были известны и раньше, но было важно, чтобы именно главы государств взяли на себя обязательство их выполнить, чтобы осознали долговременность

афганского процесса, чтобы согласились, как Франция, задействовать дополнительные боевые подразделения.

Мы показали соседям, что с удовольствием приглашаем их к участию в переговорном процессе, чтобы у них не складывалось впечатление, будто их просят оказать поддержку войсками, а права голоса при разработке операции не дают. Если на юге Афганистана боевое задание выполняют австралийцы, в которых каждый день стреляют, и которые рискуют ничуть не меньше, чем солдаты НАТО, вы не можете сказать Австралии: «Вы всего лишь партнер, а не союзник, так что влиять на решение или участвовать в планировании вы не можете».

В Бухаресте нам с полной ясностью открылось: мы не всегда уважаем наши собственные обязательства по развертыванию войск, по учебе, по совместной работе на основе комплексного подхода и консультаций, но теперь мы это положение исправим.

Подготовлен план сроком на пять лет, с ясными промежуточными показателями. Этот план согласован, и мы не должны допустить, чтобы он пылился где-нибудь на библиотечной полке. Главное – быть честными перед собой. Периодически, раз в три месяца или полгода, мы должны возвращаться к этому плану и говорить: «Так, на сегодняшний день у нас должно быть задействовано в операциях столько-то афганцев. Команды, занимающиеся восстановительными работами на местах, должны выполнить такой-то объем. Результаты борьбы с мятежниками должны быть такими-то. Контролировать такие-то сектора экономики должны сами афганцы».

Выполнено все это? Нет.

Так должны обстоять дела. Если что-то не сделано по плану, недоработку надо исправить.

По моему мнению, в Бухаресте мы не изменили стратегию, а заявили о приверженности прежней, у нас есть точки отсчета, которые позволяют нам объективно оценивать результаты своей деятельности. В прошлом этого не было, мы не могли точно оценить результаты своей работы. Получалось, что сегодня у нас хорошие новости, завтра новости плохие, сегодня мы побеждаем, завтра проигрываем, общей уверенной поступи не было. Как толковать полученные данные, никто не знал.

Сейчас, как мне кажется, в наших руках есть инструмент для анализа, который позволит нам с большей точностью сказать: мы действуем верно, мы действуем неверно, ошибка в том-то и том-то, устранить ее нужно так-то и так-то.

Так что посмотрим.